

ПОПУЛЯРНАЯ
ПОЛИТЭКОНОМИЯ

СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА

ПОЛИТЭКОНОМИЯ
ИНДУСТРИАЛИЗМА

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Популярная политэкономия

Сергей Кара-Мурза

**Политэкономия индустриализма:
мифы и реальность**

«Алисторус»

2018

УДК 330
ББК 65.01

Кара-Мурза С. Г.

Политэкономия индустриализма: мифы и реальность / С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус», 2018 — (Популярная политэкономия)

ISBN 978-5-907024-99-1

Сергей Георгиевич Кара-Мурза, ведущий российский специалист в области обществоведения, социолог и политолог, всегда уделял политэкономии особое внимание в своих работах. Результаты его исследований сведены в новую книгу «Политэкономия индустриализма»: в ней экономическая модель современного мира соотносится с ценностями и идеалами западного и российского обществ. Свою задачу С.Г. Кара-Мурза видит в том, чтобы «исследовать основания тех утверждений, к которым мы привыкаем из-за идеологической обработки в школе и средствах массовой информации. И окажется, что многие вещи, которые мы воспринимаем как естественные, вовсе не являются ни фактами, ни данным свыше откровением...».

УДК 330
ББК 65.01

ISBN 978-5-907024-99-1

© Кара-Мурза С. Г., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Введение	5
Хозяйство и этнос	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Кара-Мурза

Политэкономия индустриализма: мифы и реальность

Введение

Все мы, с детского возраста, участвуем в *хозяйственной деятельности* и постоянно думаем о ней – и непроизвольно, и обдумывая какую-то житейскую проблему или принимая решение. Хозяйство (*экономика*) – один из важнейших «срезов» нашей жизни и жизнеустройства всего народа. Нетрудно представить, что хозяйство «пропитывает» все наши формы деятельности и почти все человеческие отношения. Даже новорожденный младенец кричит матери, чтобы она дала ему пищу. У него еще работают инстинкты, но уже через полгода подключается культура, быстро расширяется его система потребностей, и он подает знаки близким людям.

Первые люди с зачатками языка и разума развивались очень быстро, и инстинкты влияли на социальную природу и общественный порядок человека. Так возникли первые *институты* (точнее, *протоинституты*) – нормы и запреты. Почти все они были связаны с хозяйственной деятельностью, отношениями и поведением людей в этой сфере. Позже разум и культура отослали инстинкты на дно сознания, хотя многие ученые считают, что из глубины инстинкты подают свой голос¹.

Не трудно видеть, что в хозяйстве сочетаются все элементы культуры – представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной трудовой деятельности, технологические знания и умения, красота и мерзость.

С самого начала существования рода и племени люди с детства осваивали нормы и запреты хозяйственной деятельности своего этноса. С развитием человечества и его хозяйства представления о хозяйственной деятельности, правилах и запретах, о добре и зле, о привычках и открытиях становились все более изощренными и разнообразными. Они были важной частью политики и войны, философии и искусства, пронизывали духовную сферу человека. Этот срез человеческого бытия непрерывно действует и ведет людей, воздействуя и на разум, чувства и воображение. Это особая сторона мировоззрения и мироощущения. Как сказал Хайдеггер, «человеческая масса чеканит себя по типу, определенному ее мировоззрением».

И в то же время, люди редко задумываются об этой сфере, а только реагируют на частные события – радостные или неприятные. Когда состояние хозяйства благополучное, то это воспринимают как хорошую погоду, когда неурядицы – как непогоду или бурю. Хотя, если задуматься, эти бури и кризисы возникают в обществе – своем или чужим. И главное, очень часто эти кризисы возникают из-за того, что слишком большая часть общества не думала о своем народном хозяйстве, не изучала его и не замечала, что оно *заболело* – по ошибке, по халатности общества или вырел нарыв конфликта с общностью диссидентов.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в тяжелые времена написал: «Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано, – наивная иллюзия. История – это арена, полная жестокостей, и многие расы как независимые целостности сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить – значит очень серьезно, осознанно

¹ Т. Веблен считал, что поведение хозяйствующего субъекта определяется не расчетами, а инстинктами и институтами, определяющими средства достижения целей. Так, у Веблена привычки являются одним из институтов.

заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озаботилось бы будущим нации» [64].

Сейчас мы переживаем смутные времена, и многие наши люди задумались: как развивалось наше хозяйство, как оно было устроено и как ему относилось общество, в чем мы ошиблись и не поняли, что происходит в хозяйстве, что нас ждет впереди и в чем мы должны измениться – или, наоборот, укрепиться. Нам придется учиться и думать. Видно, что будет трудно, мы долго были беззаботны.

Начнем распутывать клубок с самых верхних ниток, а дальше, надеемся, начнут нам помогать честные и умные ученые. Первая ниточка нас ведет к факту, который даже многие ученые отрицают или стараются о нем не говорить. Этот факт в том, что любое народное хозяйство – это одна из главных ипостасей *национальной культуры*. А национальные культуры *различны*, хотя все они непрерывно обмениваются людьми, идеями, вещами. Поэтому над каждым народом клубится покров из нитей связей хозяйства и людей.

В 1966 г. в США вышел большой труд антрополога Р.Э. Сервиса «Охотники» – об изучении оставшихся на Земле «примитивных» людей, живущих общинами племен и народов. Как-то он получил от эскимоса кусок мяса и поблагодарил его. Охотник огорчился, а старик-эскимос объяснил ученому: «Нельзя благодарить за мясо. Каждый имеет право получить кусок». Сервис пишет, что в общинах нельзя и даже неприлично благодарить за пищу – этим ты как бы допускаешь саму возможность не поделиться куском, что нелепо и противно. Этнографы подчеркивают, что в общине право на пищу – это абсолютное (естественное) право. Поэтому голод в ней возможен лишь как следствие природной или политической катастрофы – засуха, война, «великие переломы» [6].

Шаманы, жрецы, прорицатели создавали мифы и предания, в разных формах представлялись нормы нормы и отношения их племени. Государство создает и контролирует институты и законы. Ученые пишут трактаты и учебники, поэты – поэмы.

Вспомним итальянского купца Марко Поло, который почти всю жизнь пропутешествовал в созданной при Чингисхане империи (в том числе и на Руси). Почитаем сегодня эти свидетельства середины XIII века:

«Когда великий государь знает, что хлеба много и он дешев, то приказывает закупить его многое множество и сыпать в большую житницу; чтобы хлеб не испортился года три-четыре, приказывает его хорошенько беречь. Собирает он всякий хлеб: и пшеницу, и ячмень, и просо, и рис, и черное просо, и всякий другой хлеб; все это собирает во множестве. Случится недостача хлеба, и поднимется он в цене, тогда великий государь выпускает свой хлеб вот так: если мера пшеницы продается за бизант, за ту же цену он дает четыре. Хлеба выпускает столько, что всем хватает, всякому он дается и у всякого его вдоволь. Так-то великий государь заботится, чтобы народ его дорого за хлеб не платил; и делается это всюду, где он царствует» [7].

Таким образом, от примитивных этносов до современных государств и наций, хозяйственная деятельность направляется и контролируется властью и признанными населением институтами (в периоды стабильности). Чтобы власти и общественные институты могли выполнять свои функции, создаются кодексы и катехизисы, а позже – теории и идеологии.

До недавнего времени огромную роль в этом играла церковь. Например, хотя Православие избегало явного изложения социальных доктрин, в духовно-религиозном плане частная собственность всегда трактовалась как небогоугодное устройство. Красноречивый пример – перевод архиепископом Василием (Кривошеиным) поучений преподобного Симеона Нового Богослова (949-1022). Вот что говорит пр. Симеон в Девятом «Огласительном слове»:

«Существующие в мире деньги и имущества являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, про-

никшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградами и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владелицей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было».

В другом месте Девятого «Слова» осуждение частной собственности носит еще более резкий характер: «Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений – немилосердие, другое – надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать»².

А Реформация церкви в Западной Европе переросла в революцию не только религиозную, но и культурную и социальную. Одним из ее результатов была *политическая экономия* (обыденно, *политэкономия*). Это было учение, которое отодвинуло церковь и задало новые рамки отношений людей и их ценностей. Название *политэкономия* очень понравилось, оно было свежим и необычным, от нее веяло истиной, наукой и властью. Это учение снискало авторитет нового типа, неофиты это любят. В реальности, строго говоря, политэкономией была система, которую разрабатывали в Англии и меньше во Франции. Их парадигма и стала *классической политэкономией*. Разумеется, в каждой стране существовал свод понятий и норм, которые объясняли явления и процессы в хозяйственной деятельности. Все эти своды и трактаты сложны и различны, но, тем не менее, некоторые назвались политэкономией. Здесь нам не требуется излагать и глубоко изучать национальные учения и своды, для нас нужны ключевые постулаты и основы из учений, которые освещают важные различия картин хозяйства и отношений людей и систем в сфере экономики.

Например, Вебер указал на важный экзистенциальный элемент кальвинизма: «Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего *одиночества отдельного индивида*. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме – вечном блаженстве – он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе» [8, с. 142].

А в томе «Россия» фундаментальной энциклопедии «Всемирная история» (она стоит почти во всех западных школах) читаем: «В идеологии Восточной церкви община верующих сыграла гораздо большую роль, чем роль индивидуума, ответственного только перед Богом, и с этой традицией связаны не только славянофилы XIX века, но также, косвенно, русские социалисты и марксисты, заявившие о важности коллективизма»

Мы плохо знаем трактаты, которые представляют нормы и запреты хозяйства незападных цивилизаций – старых, да и нынешних. А в Европе в начале зарождения современного капитализма стала быстро развиваться экономическая мысль. В Новое время, после Научной революции, а после и революций – Буржуазных и Промышленной, – резко усложнились общества, культуры, и в том числе, экономические системы. Возникли профессиональные учения и теории, которые использовали приемы и подходы науки, математику и свой «закрытый» язык.

² Впервые опубликован в 1961 г. в «Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», № 38–39. Терминология перевода кажется слишком осовремененной (например, «частная собственность»), однако автор перевода приводит греческие слова оригинала и доказывает, что именно эти, кажущиеся современными нам, термины являются наиболее адекватными.

Основная масса населения осваивает логику хозяйства своей страны, своего слоя или сектора, опираясь на здравый смысл, житейский опыт и метод проб и ошибок.

В 1615 г. был опубликован «Трактат политической экономии»³. Так экономическая наука стала называться *политической экономией*.

Здесь стоит сказать, что название политэкономии экономическая *наука* – условный ярлык. В XVII веке наукой стали называть способ беспристрастного, объективного познания. Политическая основа той картины, которую рисует политэкономия, нагружена идеологией и ценностями господствующих общностей. Именно они определяют, какие трактаты, рассуждения и законы соединяются в систему, которая считается *правильной политэкономией*. Еретики, недовольные, бедные – вырабатывают свои «катакомбные» политэкономии. Когда они набирают силу, начинается борьба разных систем – иногда посредством гражданской войны, чаще элита идет на небольшие уступки, политэкономия немного подправляется. Эту сторону нашей темы надо учитывать.

Но возвращаемся к началу. В XV–XVI вв. возникли учения и сообщества интеллектуалов, организация и литература. Это были первые протонаучные школы. Первой считается *меркантилизм*. Их сообщество разрабатывали и обсуждали способы накопления денег (в основном, посредством торговли, кредита и война). Считается, что меркантилисты предложили систему *денежного баланса*, концепцию *политики протекционизма*, а в середине XVII в. систему *торгового баланса*.

Во Франции в середине XVIII в. была основана школа *физиократов*, которая считала истинными источниками богатства природу (сельского хозяйства и др.). Они предложили перевести земледелие в формы капиталистического производства: крупное предприятие фермера и наемные рабочие. Физиократы выступали за полную свободу предпринимателей, промышленников, фермеров и рабочих. Они считали «*естественным порядком*». В отношении к государству физиократы противопоставляли себя меркантилистам. Обе эти школы вместе заложили важные части фундамента политэкономии.

В конце XVII в. сложилась школа, которая получила название *классической политэкономии*. Эта школа была уже сосредоточена не на обращении, а на производстве. Уильям Петти (участник «невидимой коллегии», кружка ученых в Оксфорде, который указом короля в 1662 г. был преобразован в Королевское общество) утверждал, что образование богатства происходит не в торговле и не в природе, а в производстве, двигатель которого *труд*.

Петти получил подряд на обмер и оценку земель в Ирландии для их экспроприации и наделения участками солдат армии Кромвеля. Он искал индикаторы и критерии, чтобы солдаты получили одинаковые по ценности участки земли. В результате, на участке выращивали траву и взвешивали скошенное сено. Его вес был «внутренней ценностью» земли, а затем надо было заплатить работникам и за перевоз на рынок и продать сено (так высчитывали «открытую ценность» – рентабельность участка).

Этот труд имел большой успех среди капиталистов. Формулу Петти «Труд – отец богатства, а земля – его мать» повторяли больше века. Локк считал, что по самым скромным подсчетам доля труда в полезности продуктов составляет 9/10, а в большинстве случаев 99 процентов затрат.

Так была создана *трудовая теория стоимости*, фундаментальный блок политэкономии. Позже А. Смит превратил политэкономия в науку о законах экономики, согласно доминирующих представлениях о хозяйстве в культуре Англии.

Возникновение и развитие современного капитализма произвели тектонические изменения в народном хозяйстве в Западной Европе, а затем в колониях и во все странах, которые

³ Автором был драматург и знаток античных языков и литературы, Антуан де Монкретьен. Будучи в Англии он, католик, пришел к идеям кальвинизма. Он и предложил термин *политическая экономия*.

старались сохраниться в ходе экспансии Запада. Эти страны были вынуждены создавать собственную тяжелую промышленность, свои армию и флот, изучать и западные институты, учреждения – на своей культурной почве. Государствам, купцам и образованным сословиям надо было иметь представления о хозяйстве стран, с которыми были отношения. Во время потрясений и сдвигов в нарождающемся капитализме соседям было необходимо понимать новые приемы механизмы и торговли и передвижений товаров и денег. Эти процессы надо было «видеть и чувствовать», изучать признаки и следы этих процессов, цели и последствия их действий.

В истории был драматический период: Испания, не включенная в интенсивный процесс *монетаризма*, но «открытая» европейскому рынку, ввозила из Америки огромную массу золота и серебра – и непрерывно беднела, ибо это золото и серебро уплывало в Англию, созревшую для монетаризма и имеющую политэкономия, которую в других странах не понимали.

Тенденции традиций, привычек и решений в экономической деятельности обычно соединяются в речам и диалога, литературе, трактатов и книг ученых. Сгустки этих смыслов становятся тем, что называют (или называли) политэкономия. Изменения их смыслы и попытки внедрить их в жизнь для начала можно следить за текстами известных философ и экономистов, таких как А. Смит, Ф. Лист, К. Маркс, Дж. М. Кейнс, В. Ойкен и современных авторитетов. Прислушаемся к суждению Кейнса, крупного мыслителя прошлого века. Он сказал: «Идеи экономистов и политических философов, правы они или нет, гораздо более могущественны, чем это обычно осознается. На самом деле вряд ли миром правит что-либо еще. Прагматики, которые верят в свою свободу от интеллектуального влияния, являются обычно рабами нескольких усопших экономистов».

В разных вариациях эта мысль встречается и у многих других мыслителей. Те идеи и утверждения, которые мы изучали в школе и вузе, загоняют наш ум в определенные рамки.

В общем, чтобы овладеть смыслами процессов хозяйственной деятельности, государство и общество любой страны должны были иметь «образы» собственного народного хозяйства и экономики тех стран, с которыми ведутся коммерческие отношения или от них исходят угрозы. Для этого надо сделать эти образы *видимыми* (в форме текстов и документов, расчетов и схем, карт и таблиц). Эта операция называется *визуализация*. В принципе, эти операции выполняются непрерывно в самых разных формах, большинство об этом и не думает. Но часто приходится помучиться, чтобы найти способ.

Я помню, как в 1960-е годы в химии произошел прорыв в визуализации молекул и их структур. Какой был подъем! Сначала стали доступны образы молекул вещества посредством облучения его электромагнитным полем – ультрафиолетовым и инфракрасным. Получали спектры: один позволяет увидеть связи атомов электронами, а другой – расположение ядер атомов в молекуле. Потом освоили спектроскопию ядерного магнитного резонанса – получили три «портрета» молекулы, сделанные в разном свете и разных ракурсов. Набор таких методов быстро расширялся, счастливые время! Сложные проблемы разрешались быстро, как будто нам помогала магия. Возможность *видеть* предмет исследования в каком-то смысле преобразовала картину мира. И не только в химии, я бы даже сказал, что именно в общественной науке такой подход обладает более широкими возможностями, чем в естественных науках.

Ведь мы научились из всей нашей среды, даже Вселенной, выделять какую-то вещь или явление, назвать их именем и охватить их мышлением как отдельные целостности. Чтобы их мысленно рассмотреть и проникнуть в их сущность, мы на время отодвигаем в сознании другие вещи и явления, концентрируем разум на данном объекте. Но в общественных процессах надо увидеть большую систему с множеством элементов и связей, и очень подвижную.

Почти всегда мы думаем о частичке *хозяйства* – она влияет, в малой или большой мере, на нашу личную жизнь и часто на жизнь народа. Но иногда необходимо задуматься не о частичке, а обо всем калейдоскопе мозаики этих частичек. Например, в тот момент, когда наше

народное хозяйство как целость расчленяется и переделается, а то и уничтожается. Представить себе образ такого хозяйства трудно, но все-таки каждый человек имеет некоторый образ.

Была такая притча. Шестеро слепых изучали слона. Один потрогал ногу и сказал: «Слон – это колонна». Второй схватил за хвост: «Слон – это веревка». Третий потрогал хобот: «Да нет же! Это толстый сук дерева». Так все спорили. Шел мимо мудрец и сказал: «Вы трогали разные части слона, а слон – это все то, о чем вы говорите».

Но все же лучше создавать этот образ, используя инструменты и методы, которые уже были изобретены и опробованы – они экономят время и усилия, а главное, с ними легче обсуждать проблемы с друзьями и скептиками. Например, можно представить «портрет» хозяйства в виде сети или ткани множества *институтов*, которыми покрыта хозяйственная деятельность, включая распределение и потребление. Атомов хозяйства слишком много, и их движение трудно рассмотреть невооруженным глазом, а институты изучают большие сообщества ученых.

Короткое отступление, оно поможет представить *образ хозяйства в политэкономии* (и других подобных инструментов сознания). Вспомним, как изменилась картина мира с появлением постклассической науки, когда нам представили мир элементарных частиц и космологии.

Древние люди (и наши дети) представляют мир как упорядоченное целое, все частицы которого связаны невидимыми нитями, струнами. Это – Космос. Добавляли: с ним воюет Хаос (боги помогают превратить хаос в порядок и вернуть его в Космос). Человек, проникнутый космическим чувством, ощущает единство Бытия, а себя считает обитателем огромного и прекрасного дома. Научная революция представила мир, как машину. Этот образ упорядочил механицизм декартовского рационализма. Становление механистической картины мира, утверждение атомизма и рационализация сознания разрешили задачи идеологии восходящего буржуазного общества и легитимации нового политического порядка. Из этой картины мироздания идеологи английской революции непосредственно выводили естественность конституционной монархии как наилучшей из форм политического порядка. Разрушались иерархические структуры власти, скрепляющие людей солидарностью, основанной на образе жизни, традициях, религии. Возникло гражданское общество, основанное на индивидуализме людей-«атомов».

Человек же традиционного общества видит мироздание как *Космос* – упорядоченное целое, с каждой частицей которого человек связан мириадами невидимых нитей, струн. Хабермас так излагает разные формы легитимации власти – в новом обществе и в традиционных обществах: «Старые концепции мироздания: мифические, религиозные и философские, – подчиняются логике взаимодействия людей. Они отвечают на фундаментальные вопросы коллективного существования людей и истории жизни отдельной личности. Их темами являются справедливость и свобода, насилие и гнет, счастье и благодарность, болезни и смерть. Их категории – победа и поражение, любовь и ненависть, спасение и приговор» [145].

Космос был дегуманизировал механической картиной мира, но его смысл в одних культурах ужился с механицизмом, в других восстановили статус Космоса на новом уровне. И. Пригожин писал: «Согласно известной формуле Фрейда, история науки есть история прогрессирующего отчуждения – открытия Галилея продемонстрировали, что человек не является центром планетарной системы, Дарвин показал, что человек – всего лишь одна из многочисленных биологических особей, населяющих землю... Однако [в постклассической науке] представления о реальности предполагают обратное: в мире, основанном на нестабильности и созидательности, человечество опять оказывается в самом центре законов мироздания» [146].

Незападные культуры освоили метод европейской науки, космическое чувство сохранили. Для нас надо освоить навык «видеть» большие сущности, которые покрывают наше жизнеустройство, как политэкономия. Можно сказать стихами Н. Заболоцкого (1936) о чувстве *целостности*:

И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Все, все услышал я – и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик

.....

И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

Для примера подхода к визуализации большой системы (конкретно, общества) приведем короткую выжимку из книги шведского социолога П. Монсона, которую стоит прочитать. Вот дайджест кусочка первой главы:

Представьте себе, что вы в вертолете над городом. Внизу большой парк, и вы внимательно разглядываете его. Вам видны зеленые газоны, ухоженные рожицы и непроходимые заросли кустарников, маленькие озерца и целая сеть широких асфальтированных аллей, от которых разбегаются более узкие, посыпанные гравием тропинки. Вдоль широких аллей стоят садовые скамейки для отдыха.

Но вот появляются первые люди. Они быстро входят в парк по самым широким аллеям и торопливо проходят насквозь кратчайшим путем. За ними следуют новые посетители. Большинство продолжает двигаться по широким асфальтовым аллеям, но некоторые сворачивают на боковые тропинки, под деревья, где на некоторое время пропадают из виду. Попадают и такие, что бредут, спотыкаясь, не разбирая дороги, топчутся прямо по клумбам. А кое-где некоторые граждане покидают и широкие аллеи, и узкие тропинки и лезут напролом через заросли кустарника. Большинство из них пропадают из виду и больше не показываются, но отдельные упрямы все же ухитряются пробиться и выныривают на изрядном расстоянии по другую сторону кустарника, ободравшись и исцарапавшись в кровь об острые ветки шиповника. День проходит, и людской поток, нараставший вначале, становится теперь все меньше. Большинство пришедших в парк в сумерки придерживаются широких асфальтовых аллей и движутся по тропинкам в ожидании наступающей темноты. Наконец вам видны только светящиеся огни полицейских машин, а все, кто в течение дня пропал из виду и затерялся, так и остаются невидимыми. Когда тьма окончательно поглощает парк, он кажется полностью опустевшим.

Картина поведения посетителей парка является своего рода моделью и характеризует то направление в социологии, что изучает общество независимо от тех или иных основополагающих *образцов поведения*, которых отдельный человек придерживается в течение своей жизни.

Люди, пришедшие в парк, воспринимали его как некий заранее установленный порядок – аналогичным образом человечество воспринимает социальную структуру общества. Большинство пришедших в парк двигались по асфальтированным аллеям, символизирующим то, что в социологии называется *социальными институтами*. Примерно так же, как можно представить парк в виде канвы, образованной аллеями и тропинками, можно представить и общество в виде канвы из социальных институтов.

Основные институты общества – те «аллеи», по которым идет большинство людей, однако имеются менее значительные группы тех, кто «выбирает тропинки». И подобно тому как в парке встречались посетители, топтавшие клумбы, в обществе есть люди, «спотыкающиеся на ровном месте». Это явление в социологии называется *отклоняющимся поведением*, и

во множестве как теоретических, так и прикладных исследований содержатся попытки объяснить, почему люди определенного сорта непременно будут «вытаптывать клумбы». Однако важно заметить, что «отклоняющееся поведение» является «отклоняющимся» на фоне «нормального» и, следовательно, отклонения изначально заложены в общественные структуры.

В парке были и такие, кто не только не удовлетворился прогулкой по ранее проложенным тропинкам или даже вытаптыванием клумб, а ринулся в непролазный кустарник. Они не признали существующую канву парка и пошли туда, откуда впоследствии нельзя будет выйти. Возможно, они пытались найти кратчайший путь или протоптать новые дорожки, которые – если следом двинутся другие люди – со временем превратятся в широкие асфальтированные аллеи. Посетители парка будут гулять по ним и думать, что эти аллеи были всегда. В таком случае, возможно, прежние аллеи начнут зарастать и вскоре станут непроходимыми. Феномен «протаптывания тропинок» и «зарастания аллей» в социологии обозначается термином *социальные изменения*. (См. [4]).

Институты не слишком трудно выявлять с помощью социологии, а поскольку практически все социальные институты представляют те или другие аспекты *хозяйства*, можно создать образы советской экономики и рыночной экономики РФ (или, например, Украины). Такие «портреты» не высвечивают все главные стороны такой большой системы, но они приближают нас к реальности.

Сейчас наблюдения из космоса на движение стихий, техники, энергии и людей дают нам серию частичных «портретов» человечества или народа страны. Рассмотреть и обдумать эти «портреты» – это уже важный шаг к тому, чтобы представить себе хозяйство как целостности. Нам доступны карты ночной освещенности Земли и стран, интенсивности хозяйства в форме международной торговли и движения товаров, лесных пожаров и т. д.

Интегральной карты еще нет. Но можно в воображении представить, что откуда-то из Космоса мы смотрим на Землю в потоке особого света и видим человечество в поле *хозяйства*. Человечество – не пыль, оно организовано в племена и народы, нации и цивилизации. Людей связывает их земля и культура, память и будущее. Вариантов комбинации всех форм деятельности и связей элементов систем хозяйства – большое множество, поэтому хозяйство каждой общности обладает неповторимым своеобразием. С момента появления человека его этнос – творец своей самобытной системы хозяйства. А в свою очередь, хозяйство – творец своего этноса. Хозяйство, воплощая в себе все стороны культуры, становится важной частью той матрицы, на которой этнос собирается и воспроизводится.

Можно представить, что глядя сверху на страну можно увидеть сеть или ткань институтов, которые регулируют народное хозяйство, а каждый человек связан с этой тканью множеством невидимых нитей. Сверху видна эта ткань, каждая со своими особенностями, она соединяет и защищает народ и его хозяйство. Ее ткали и ткут, штопают и обновляют – все сородичи и земляки, потом соотечественники и граждане, шаманы и священники, власти и ученые. Образ такой ткани или пленки – это аллегория и модель.

Например, Ортега-и-Гассет писал в 1930 г. о России (СССР): «В Москве существует тонкая пленка европейских идей – марксизм, – рожденных в Европе в приложении к европейским проблемам и реальности. Под ней – народ, не только отличный от европейского в этническом смысле, но, что гораздо важнее, и другого возраста, чем наш. Это народ еще бурлящий, то есть юный» [5]. Этот испанский философ увидел очень важную особенность мировоззрения советского общества, но мы долго этого не понимали.

Далее рассмотрим подробнее.

Хозяйство и этнос

Хозяйство (экономика) – один из важнейших «срезов» жизнеустройства народа. В нем сочетаются все элементы культуры – представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной деятельности, технологические знания и умения. Вариантов комбинации всех этих элементов большое множество, поэтому хозяйство каждой этнической общности обладает неповторимым своеобразием. Этнос – творец своей самобытной системы хозяйства. Но хозяйство, воплощая в себе все стороны культуры, становится важной частью той матрицы, на которой этнос собирается и воспроизводится. То есть, в свою очередь, хозяйство – творец своего этноса.

Поскольку между этносами идет непрерывный взаимный обмен элементами культуры, то наиболее острые различия сглаживаются. В результате исторически складываются разные типы хозяйства. Их изучением занимаются экономисты, а сохраняющиеся особенности и различия – предмет этнографов. Сложилась и особая научная область – *этноэкономика*.

Формационный подход, положенный в основу исторического материализма, исключал из рассмотрения этническую специфику хозяйственных укладов, он оперировал с небольшим числом «чистых» моделей. Что касается незападных стран, то эти модели Запада были настолько далеки от реальности, что Маркс даже сделал попытку выделить особую, туманно определенную формацию, которую назвал «*азиатским* способом производства». Эта попытка оказалась малопродуктивной и, по сути, была предана забвению. Здесь же нас интересуют не абстрактные «общечеловеческие» экономические формации, а именно специфическое для нашего народа взаимодействие хозяйства с культурой.

Когда человек ведет хозяйственную деятельность, на него воздействуют практически все *силы созидания народа* – от языка и религии до системы мер и весов. О. Шпенглер утверждал даже: «*Всякая экономическая жизнь есть выражение душевной жизни*». Но в душевной жизни и коренятся особенности разных народов, а материальный мир («*вещи*») есть лишь воплощение этих культурных особенностей.

Поэтому хозяйство, в котором преломляются эти силы, само является мощным механизмом выработки национального самосознания и скрепления людей этими связями. Даже волны экономической глобализации – и колониальной экспансии Запада, и стандартизирующего наступления капиталистического производства и рынка, и нынешних информационных технологий – не могут преодолеть взаимовлияния хозяйства и национальной культуры.

Например, все незападные страны начиная с XVIII века испытывают процесс *модернизации* – освоения созданных на Западе технологий и хозяйственных институтов. Внешне нередко кажется даже, что при этом возникает западный тип хозяйства, в котором не воспроизводятся национальные черты – они как будто вытесняются в сферу внешних «этнографических проявлений». Но это ошибочное впечатление. Суть многих сторон хозяйства возникает как синтез, как продукт национального творчества. В книге «Капитализм и конфуцианство» (1987), посвященной преобразованию западных экономических институтов в соответствии с культурными основаниями Японии, ее автор Мичио Моришима показывает, что в японском хозяйстве «капиталистический рынок труда – лишь современная форма выражения “рынка верности”» (см. [9, с. 67])⁴.

Археология, изучающая самые древние из сохранившихся свидетельств жизни ранних человеческих общностей, показывает, что роль хозяйства как механизма этнизации людей про-

⁴ Кстати, именно различия в организации хозяйственной деятельности в США и Японии и надежды на возможность выяснения рецептов «японского чуда» и их применения в американских корпорациях стимулировали в 60-70-е годы важные сравнительные антропологические исследования японцев и американцев.

явилась с самого начала, с возникновения человека. Найденные в группе технические приемы и способы организации хозяйства воспроизводились в следующих поколениях и отличали эту группу от других⁵.

Например, изобретение молотка (и молотка с долотом) сыграло огромную роль в развитии человечества, но некоторые даже современные народы не применяли молотка, предпочитая обработку материала нажимом. Большое многообразие этнических особенностей обнаруживается в хозяйственном применении огня, в обработке земли и скотоводстве, в способе перемещения тяжестей и грузов, в изготовлении оружия. Совокупность технических приемов и материальных средств представляет собой *систему*, устойчивую (и изменяющуюся) часть культуры этнической группы (племени, народа и даже нации).

Даже индустриальное развитие в хозяйстве этноса не приводит к культурной конвергенции и стиранию различий. После 2-й Мировой войны американский антрополог В. Брандт вел в течение 30 лет этнологическое изучение промышленного развития ряда стран Юго-Восточной Азии. Он пришел к выводу, что «культурные различия остаются решающими на основных уровнях человеческого взаимодействия, придавая якобы универсальным последствиям модернизации вид, согласующийся с местной культурной конфигурацией» [79]. Культурные различия народов – вот решающее условие развития, а вовсе не имитация чужих методов.

Процесс создания и развития образа желанного и возможного хозяйства – непрерывное усилие мышления и чувства общности (рода, племени, народа, нации). Этот образ – важная часть культурного ядра. В Новое время этот образ стали оформлять трактатами или даже теориями (политэкономией), но и в древности имели формы, чтобы запечатлеть эти образы. История показывает, насколько разные эти образы и теории создаются в разных культурах. Сравним особенности классической политэкономии Англии раннего капитализма и традиционных принципов ряда азиатских культур.

В западной цивилизации, как пишут, кровожадность «естественного» человека была усмирена правом – «война всех против всех» приняла форму конкуренции. Так, движущей силой, соединяющей людей в общество, являлся *страх*. Родоначальник теории гражданского общества Гоббс вводит такой постулат: «Следует признать, что происхождение многочисленных и продолжительных человеческих сообществ связано... с их взаимным страхом» [142, с. 302.]. То есть, под той положительной мотивацией, какой А. Смит считал *поиск выгоды* на рынке, лежит страх быть побежденным в конкуренции. При этом страх должен быть *всеобщим*. Кроме того, должно существовать *равенство в страхе*. Гоббс пишет: «Когда же частные граждане, т. е. подданные, требуют свободы, они подразумевают под этим именем не свободу, а господство» [142, с. 367]⁶. Этот порядок на несколько веков придал Западу большую силу.

А вот востоковед А.Н. Ланьков пишет о Корее: «Конфуцианство воспринимало государство как одну большую семью. Вмешательство государства в самые разные стороны жизни общества считается в Корее благом – хотя образованные корейцы прекрасно знакомы с европейскими воззрениями на государство и гражданское общество. В докладе о южнокорейской экономике, подготовленном по заказу Всемирного банка, говорится: “Озадачивающим парадоксом является то, что корейская экономика в очень большой степени зависит от многочисленных предприятий, формально частных, но работающих под прямым и высокоцентрализованным правительственным руководством”. Другой американский экономист пишет: “Корея

⁵ Этой стороне истории материальной культуры посвящен большой труд А. Леруа-Гурана «Эволюция и техника» (1945). Он составил около 40 тыс. описаний разных технологических процессов у народов всех частей света. Уже простейшие приемы показывают удивительное сродство с этнической культурой. Одно только механическое воздействие на материал (перкуссия) применяется во множестве форм, так что изучение этой конкретной технологии Леруа-Гуран считает «новой отраслью этнологии, которая даст новые элементы изучения человека» (см. [10]).

⁶ Он еще добавил: «Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее подавляя других, чем объединяясь с ними».

представляет из себе командную экономику, в которой многие из действий отдельного бизнесмена предпринимаются под влиянием государства, если не по его прямому указанию» [143].

Люди с высоким уровнем «индивидуализма» стягиваются в нации другими типами отношений, раньше мощным страхом – по законам отправляли бедняков в работные дома, благотворительность *запрещалась*. А сейчас, например, соединяют посредством их рациональной деятельностью по организации социальной помощи и благотворительности – даже если это делается не из любви, а из расчета и права. А в старой России «Домострой» учил: «И нищих, и малоимущих, и бедных, и страдающих приглашай в дом свой и как можешь накорми, напои, согрей, милостыню дай». Модернизация лишь придала этому порядку слабый европейский оттенок: Александр I в указе 1809 г. повелел бродяг отправлять к месту жительства «безо всякого стеснения и огорчения» – самим бродягам. В северных деревнях дома даже имели специальные приспособления в виде желоба. Нищий стучал клюкой в стену, подставлял мешок, и по желобу ему сбрасывали еду. Устройство находилось на тыльной стороне дома, вдали от окон – «чтобы бедный не стыдился, а богатый не гордился» (см. [144, с. 267]).

Эту целостную внутреннюю среду, соединяющую материальный и духовный миры, этническая группа оберегает, отказываясь даже от выгод «эффективности». Традиции ведения хозяйства очень устойчивы почти у всех народов, их стремятся сохранить даже ценой больших дополнительных затрат. Русские переселенцы XVII – начала XX в. на юге Украины строили рубленые дома из бревен, которые с чрезвычайными усилиями и затратами привозили за сотни километров. Неимущие семьи предпочитали по несколько лет жить в землянках, копя деньги на «дом», но не строили саманные мазанки, как местное население. Русские переселенцы XVII-XIX вв. в Сибири прилагали огромные усилия по приспособления традиционных для Европейской России приемов хлебопашества к новым условиям. А в Забайкалье чересполосно проживают три народа – русские, буряты и эвенки. И до сих пор на селе они сохраняют свою специализацию: русские земледелие, буряты животноводство, эвенки оленеводство (в сочетании с охотой и рыболовством).

Понятно, что устойчивость традиций и пережитков таит в себе важное противоречие. Многие пережитки не просто снижают эффективность хозяйства, но и приводят к тяжелым последствиям. В России, например, была очень высока детская смертность – в 1901 г. доля младенцев, умерших в возрасте до 1 года, составляла 40,5 %. Врачи выяснили, что причина кроется в особенностях вскармливания грудных детей в православных крестьянских семьях – прикармливанием детей с первых недель жеваным хлебом через соску. В семьях мусульман, даже живших в худших условиях, младенческая смертность была в 2,5 раза ниже, т. к. здесь обязательным считалось грудное вскармливание [11]. Силами врачами и комсомольцами женщинами-крестьянкам объяснили причины болезни младенцев. Люди поняли, и этот пережиток был удален.

Заметим, что с началом I Мировой войны младенческая смертность в России повысилась и стала снижаться только в 1921 г., в условиях НЭПа и культурной революции. А в ходе Великой Отечественной войны, напротив, младенческая смертность снизилась. В 1946 г. ее уровень был почти вдвое (на 74 %) ниже, чем в 1940 г.

Сохранение пережитков необходимо потому, что каждая вещь и каждая хозяйственная операция имеют не только функциональный, но и символический смысл. Это наглядно выражается в изготовлении оружия. Национальные представления о красоте воплощаются и в изделиях, достигших максимума функциональной эффективности (или имеющих примерно одинаковый ее уровень с иностранными изделиями). Думаю, большинству читателей кажутся очень красивыми автомат Калашникова, советская каска или танк Т-34. Об этом в 1964 г. писал и Леруа-Гуран: «Поразительно видеть, до какой степени американские и русские ракеты и спутники, несмотря на очень узкие функциональные требования, носят на себе отпечаток создавших их культур».

Это явление известно историкам техники и ее создателям. Академик В.А. Легасов, изучавший причины чернобыльской катастрофы и указывавший на ее прямую связь с дестабилизацией «культурного ядра» общества в ходе начавшейся перестройки. Он сказал (в интервью Ю. Шевчуку в повести «Чернобыль»): «Та техника, которой наш народ гордится, которая финишировала полетом Гагарина, была создана людьми, стоявшими на плечах Толстого и Достоевского... Они выражали свою мораль в технике. Относились к создаваемой и эксплуатируемой технике так, как их учили относиться ко всему в жизни Пушкин, Толстой, Чехов».

Говоря об устойчивости хозяйственных норм, институтов и традиций, необходимых для сохранения народа, не будем, конечно, упускать из виду и изменчивость укладов и в ходе творческого развития, и при изменении внешних условий. Хозяйство как «сила созидания» народа особенно важно на стадии формирования национальной общности. Потом части общности освоют разные новые типы хозяйства, но в каждой части принадлежность к одному хозяйственно-культурному типу будет скреплять ее.

Поэтому оценивать эффективность того или иного способа хозяйствования по какому-то одному произвольно заданному критерию (например, производительности труда или ВВП на душу населения) можно лишь в каких-то узких аналитических либо идеологических целях. В таких сравнениях эффективности разных национальных типов хозяйства обычно господствует евроцентристский подход – утверждается, что наиболее эффективной является «рыночная экономика», сложившаяся за XVII-XX вв. в Западной Европе («современный капитализм»).

Антрополог К. Леви-Стросс писал о неправомерности таких оценок: «Два-три века тому назад западная цивилизация посвятила себя тому, чтобы снабдить человека все более мощными механическими орудиями. Если принять это за критерий, то индикатором уровня развития человеческого общества станут затраты энергии на душу населения. Западная цивилизация в ее американском воплощении будет во главе...»

Если за критерий взять способность преодолеть экстремальные географические условия, то, без сомнения, пальму первенства получают эскимосы и бедуины. Лучше любой другой цивилизации Индия сумела разработать философско-религиозную систему, а Китай – стиль жизни, способные компенсировать психологические последствия демографического стресса. Уже три столетия назад Ислам сформулировал теорию солидарности для всех форм человеческой жизни – технической, экономической, социальной и духовной – какой Запад не мог найти до недавнего времени и элементы которой появились лишь в некоторых аспектах марксистской мысли и в современной этнологии.

Запад, хозяин машин, обнаруживает очень элементарные познания об использовании и возможностях той высшей машины, которой является человеческое тело. Напротив, в этой области и связанной с ней области отношений между телесным и моральным, Восток и Дальний Восток обогнали Запад на несколько тысячелетий – там созданы такие обширные теоретические и практические системы, как йога Индии, китайские методы дыхания или гимнастика внутренних органов у древних маори...

Что касается организации семьи и гармонизации взаимоотношений семьи и социальной группы, то австралийцы, отставшие в экономическом плане, настолько обогнали остальное человечество, что для понимания сознательно и продуманно выработанной ими системы правил приходится прибегать к методам современной математики» [12, с. 321–322].

Но для нас здесь важнее отметить, что становление современного капитализма сыграло исключительно важную роль в развитии народов Западной Европы – оно дало толчок и к развитию своего специфического уклада, и формированию современных наций. А эти нации в Новое и новейшее время являлись и являются для русских «значимыми иными». Но в данный период реформаторы навязывают нам образ хозяйства этих *значимых иных* словом и делом. При этом они замалчивают и другой важный факт: архаизацию многих национальных экономик под воздействием западного капитализма (см. [13]).

Действительно, капитализм обладает исключительно сильным «сплавающим» эффектом этнических групп в большие общности (по этой причине Западная Европа, как говорят, стала «кладбищем народов» – они были ассимилированы большими нациями). Этот процесс в ходе формирования западных наций шел практически до нашего времени.

Но и само становление капитализма, как присущего Западу способа хозяйства, не было медленным «естественным» процессом. Это был результат череды огромных революций, в ходе которых возникло уникальное сочетание обстоятельств, позволившее распространить на Западную Европу экономический уклад, сложившийся ранее у некоторых народов Северо-Запада (голландцев и англичан, а до этого фризов). Предыстория капитализма как очень специфического этнического хозяйственного уклада, который был затем взят за модель вдохновителями великих буржуазных революций и внедрен политическими средствами.

Специфика того капитализма, который сложился в англо-саксонской культуре, признается и сегодня. Английский историк и социолог З. Бауман пишет: «Новый индустриальный порядок, так же как и концептуальные построения, предполагавшие возможность возникновения в будущем индустриального общества, были рождены в Англии; именно Англия, в отличие от своих европейских соседей, разоряла свое крестьянство, а вместе с ним разрушала и “естественную” связь между землей, человеческими усилиями и богатством. Людей, обрабатывающих землю, сначала необходимо упразднить, чтобы затем их можно было рассматривать как носителей готовой к использованию “рабочей силы”, а саму эту силу – по праву считать потенциальным источником богатства» [15].

Когда эти культурные предпосылки соединились с новой центральной мировоззренческой матрицей, заданной протестантской Реформацией, капитализм стал мощным фактором этногенеза, быстро сплавляющим «буржуазные нации» Запада. Внешне чисто экономическая мотивация (страсть к наживе) превратилась в обязательную *приоритетную ценность*. Очевидно, что эта ценность обладает национальной спецификой, она присуща далеко не всем народам. Даже Маркс признает, что прежде страсть к наживе была частью очень специфических культур: «Богатство выступает как самоцель лишь у немногих торговых народов – монополистов посреднической торговли, живших в порах древнего мира, как евреи в средневековом обществе» [16, с. 475].

При этом страсть к наживе вовсе не является необходимым условием эффективного хозяйства – общества, где хозяйственные ресурсы соединяются не только через куплю-продажу, могут быть экономически вполне эффективными. Более того, порой их хозяйство рушится именно вследствие внедрения «духа наживы»⁷. Мотив наживы, присущий капиталистическому рынку, отсутствует при иных типах распределения материальных ценностей – прямом обмене ради поддержания социальных связей по принципу взаимности, уравнительном перераспределении, дарении и др.

Антрополог Б. Малиновский писал в 20-е годы, что абсурдно полагать, будто в хозяйстве примитивного племени человек побуждается к труду чисто экономическими мотивами и осознаваемой личной выгодой. Главное для него – выполнение социальных обязательств по отношению к родственникам и общине, стремление к престижу (см. [17]).

Историк становления рыночной экономики Запады Карл Поланьи уже в главном своем труде «Великая трансформация» (1944) противопоставил экономику капитализма хозяйству

⁷ В 60-е годы описан такой случай: была в Южной Америке процветающая индейская община. Люди охотно и весело сообща работали, строили дороги, школу, жилища членам общины. К ним приехали протестантские миссионеры и восхитились тем, что увидели. Только, говорят, одно у вас неправильно: нельзя работать бесплатно, каждый труд должен быть оплачен. И убедили! Теперь касик (староста) получил от общины «бюджет» и, созывая людей на общие работы, стал платить им деньгами. И люди перестали участвовать в таких работах! Почему же? Всем казалось, что касик им *недоплачивает*. Социологи, наблюдавшие за этим случаем, были поражены тем, как быстро все пришло в запустение и как быстро спились жители этих деревенок.

примитивных народов (как писали после его смерти, создал «политическую экономию контраста»). Затем он перешел к изучению экономики древних и архаических обществ. Так, он заложил основы *экономической антропологии*, которая стала развиваться в 1960-е годы (см. [17]). Работы экономических антропологов показали, что своеобразие присуще всем национальным хозяйствам, даже у тех народов, которые освоили многие принципы рыночной экономики. Придание страсти к наживе внационального, универсального характера есть чисто идеологический прием.

Э. Фромм в своем обзоре примитивных обществ подчеркивает: «Особо важной, как в экономическом, так и психологическом плане, является вопрос о собственности. Одним из наиболее распространенных сегодня штампов является утверждение, будто любовь к собственности является врожденным свойством человека. Обычно при этом смешивается собственность на инструменты, нужные человеку для работы, и некоторые личные вещи (например, орнаменты) с собственностью в смысле обладания средствами производства, то есть, вещами, исключительное обладание которыми заставляет других людей работать на владельца. В индустриальном обществе такими средствами являются прежде всего машины или капитал, инвестированный в их производство. В примитивном обществе средствами производства является земля и охотничьи угодья» [55, с. 149].

Фромм доказывает, что идеологи раннего капитализма (да и многие современных) ошибаются, что ценность собственности определяется инстинктом, а не воздействием культур: «Социальные отношения в примитивных обществах показывают, что человек не является генетически подготовленным к этой психологии доминирования и подчинения. Анализ исторического общества, с его пятью-шестью тысячами лет эксплуатации большинства господствующим меньшинством демонстрирует с полной очевидностью, что психология доминирования и подчинения является следствием адаптации к социальному порядку, а вовсе не его причиной. Для апологетов социального порядка, основанного на власти элиты, разумеется, очень удобно верить, будто социальная структура есть результат врожденной необходимости человека, а потому является естественной и неизбежной. Уравнительное общество примитивных групп показывает, что это не так» [55, с. 151].

В связи с современных дискуссиях о явлении тяги к собственности, насущной стала потребность в изучении своеобразных хозяйственных укладов незападных народов после русской революции 1917 г., и при государственном и хозяйственном строительстве СССР, и в странах, начавших борьбу за освобождение от колониальной зависимости. Чаянов в 1924 г. писал: «Ныне, когда наш мир постепенно перестает быть миром лишь европейским и когда Азия и Африка с их своеобразными экономическими формациями вступают в круг нашей жизни и культуры, мы вынуждены ориентировать наши теоретические интересы на проблемы некапиталистических экономических систем» [18, с. 143].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.